

Об альтернативности истории *

В.А.Вазюлин **

Сейчас довольно широко распространено мнение о том, что историю нельзя сводить к закономерностям, к законам, а необходимо учитывать ее альтернативность.

Конечно, учитывать и исследовать альтернативность истории важно, но сначала с необходимостью приходится выделять закономерный ход истории. Если не выделить сначала закономерный ход истории, то нельзя понять действительную роль исторических случайностей, альтернативности развития человечества.

Так, сейчас перед человечеством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо перейти, хотя и в течение длительного времени, к коммунизму. Третьего пути не дано.

Ни сформулировать, ни осознать эту альтернативу, ни предвидеть наиболее вероятный путь развития без изучения закономерного хода истории человечества невозможно. Если же принять во внимание исторический процесс в целом, то можно понять, что он закономерно идет, с одной стороны, к обострению противоречия между обществом и природой, к обострению противоречий внутри общества, внутри человечества, а с другой стороны, закономерно же образуются и вызревают возможности для разрешения этих противоречий на путях перехода к зрелой стадии развития человечества.

Следует особо подчеркнуть, что при переходе к зрелой стадии развития человечества и в ее дальнейшем развитии осознание этого процесса играет существенно более важную роль, по сравнению с ролью сознания в развитии человечества на его предшествующих стадиях: развитие коммунизма имеет своей необходимой предпосылкой осознание процесса развития человечества в целом. Это не чья-то прихоть, а именно необходимость. Она уже существует и дает о себе знать.

Уже не первый год и не первое десятилетие дает о себе знать отсутствие соответствующего современности по уровню и характеру разработанности теоретического понимания стратегических целей коммунистического движения.

В программах Коммунистических партий либо воспроизводится понимание стратегических целей на уровне, соответствующем прежним эпохам истории, либо действительное развитие марксизма подменяется псевдоновациями, не имеющими ничего общего с марксизмом.

Как раз накануне я смотрел новую работу Г.А. Зюганова о глобализме и перспективах мировой истории. По существу, это те же представления, которые были выражены в его прежних трудах: тот же эклектизм, то же стремление – возможно малоосознанное – совокупить принципиально несовместимые по своей социальной природе идеи и представления друг с другом, та же, мягко говоря, недостаточная обоснованность выдвигаемых положений и т. д.

На мой взгляд, нельзя считать, что такая, с позволения сказать, теория может быть основой для определения

стратегических целей Коммунистической партии. Ведь речь идет ни много, ни мало, – о том, выживет ли человечество или не выживет, каковы пути и способы его выживания, каково будущее человечества. А тут нам предлагают некую несъедобную смесь.

Ныне высказывается много сомнений в том, что коммунизм осуществим, что человечество в конце концов должно к нему прийти. Связаны эти сомнения в немалой степени с тем, что сомневающиеся плохо представляют глубину и направленность тех преобразований, которые совершаются в жизни современного человечества и будут совершаться в ближайшие десятилетия и даже столетия. И поэтому думают, что если бы коммунизм был возможен, то весь процесс должен был совершаться гораздо быстрее.

На самом деле, уже только **переход** человечества на зрелую стадию своего развития – это такой величайший перелом в истории, который сравним с переходом от докалассового к классовому обществу. Переход от докалассового общества к классовому происходил в течение **тысячелетий**. Если учесть ускорение хода истории, то и тогда переход от классового общества, от незрелого человечества, от незрелого общества к зрелому займет не одно столетие.

Я отнюдь тем самым не становлюсь на позиции меньшевиков в их борьбе с большевиками.

Борьба большевиков и меньшевиков носила конкретно-исторический характер. И большевики, и меньшевики опирались на действительно существовавшие исторические тенденции, но эти тенденции были поняты ими как оторванные друг от друга, что было неизбежно, так как тенденции действительно противоречили друг другу, объективные противоречия были крайне острыми.

Большевики, на мой взгляд, были совершенно правы в том смысле, что объективные условия для совершения социалистической революции в России имелись, сложилась и революционная ситуация. Надо было брать власть.

В этом отношении меньшевики, отвергавшие позиции большевиков, были в корне не правы.

То же самое относится и к строительству социализма в нашей стране. Надо было строить социализм.

Вместе с тем и меньшевики были в некоторой степени правы, указывая на недостаточность развития производительных сил и на вытекающие отсюда следствия для движения нашей страны по социалистическому пути. Большевики, отвергая взгляды меньшевиков, не учитывали то «рациональное зерно», которое в них заключалось. Например, В. И. Ленин в одной из последних статей, а именно в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)», говорит, по существу, следующее: Суханов утверждает, что в России недостаточно развиты производительные силы. А кто знает, какие производительные силы нужны? При наличии власти в наших руках (в руках рабочего класса – В.В.) мы их разовьем!

* Выступление на Международной конференции «Актуальность методологии марксизма и перспективы ее развития», приуроченной к выходу в свет второго издания монографии В.А.Вазюлина «Логика «Капитала» Карла Маркса», состоявшейся в Москве 28 декабря 2002 г.

** В.А.Вазюлин – доктор философских наук, профессор – автор широко известных, глубоких новаторских трудов, таких как «Логика «Капитала» Карла Маркса», «Логика становления метода научного исследования К.Маркса», «Логика истории. Вопросы теории и методологии» и др.

В.А.Вазюлин – создатель и руководитель Международной логико-исторической школы, издающей сборник «Труды логико-исторической школы».

Но, во-первых, если смотреть с точки зрения «Капитала» К. Маркса, то уже тогда можно было предвидеть, какой уровень и характер производительных сил необходим.

Во-вторых, полное отрицание большевиками наличия в позиции меньшевиков «рационального зерна» означало, что в позиции большевиков существовало недопонимание отрицательных сторон движения нашей страны по социалистическому пути, а такое недопонимание внутренне связано с недооценкой опасностей для такого движения страны по социалистическому пути, опасностей, тающихся в самой специфике переживаемой стадии развития, в самой специфике **этого** исторического движения.

Для объективной оценки большевиков и меньшевиков необходимо принять во внимание следующее: условия для социалистической революции и создания нового общества – если брать их в целом, не различая ранние и поздние социалистические революции, ранний и поздний социализм, – **созревали, т. е. они уже были, они уже созрели, и их (как зрелых) еще не было.**

Когда перед рабочим и коммунистическим движением в России в начале XX века встал вопрос: «Брать власть или нет?», а затем: «Строить социализм в одной отдельно взятой стране или нет?», то ответ мог быть только однозначным: Да, брать. Да, строить. Иначе дезорганизуется движение, не используются возможности, которые, **не смотря на их противоречивость, уже существовали.**

Вместе с тем есть большая опасность, о чем писал К. Маркс в «Немецкой идеологии»: если коммунисты возьмут власть, когда не будет для этого условий, то возродится «вся старая мерзость».

Трудность, сложность заключается в том, что условия для перехода к новому обществу и само новое общество не появляются сразу в готовом, зрелом виде, а в ходе более или менее длительного исторического **процесса** проходят стадии незрелости (и социализм есть **незрелый** коммунизм). Поэтому опасность возрождения «старой мерзости» сохраняется на всем его протяжении, становясь все менее вероятной по мере продвижения к зрелой стадии.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с точки зрения **общего закономерного хода истории.** Если рассматривать историю в аспекте единства исторических законов и исторических случайностей, то надо, с моей точки зрения, выделить как определенный исторический период – период ранних социалистических революций и раннего социализма. Социалистическая революция и социализм в нашей стране относятся к ранним. Гибель раннего социализма, поражение – в конечном счете – ранних социалистических революций весьма и весьма вероятны, хотя абсолютной необходимости в этом нет.

Но гибель, поражение ранних социалистических революций и гибель раннего социализма в тех или иных, и даже во всех, раннесоциалистических странах не может быть достаточным основанием для исторического пессимизма, для разочарования в возможности победы социализма и коммунизма в конечном итоге.

Я уже говорил в одном из интервью, что любой переход от одной формации к новой, более прогрессивной формации является чередой побед и поражений. Как, например, утверждались рабовладельческие государства? Когда начинали созревать рабовладельческие отношения, внутри них обнаруживались противоречия рабовладельческого общества, соседние варвары их уничтожали, так как их сообщества были более прочными.

Возвышение рабовладельческих государств и падение их под ударами варваров происходило в истории много раз.

А если мы возьмем переход от феодального общества к капиталистическому, то и тут буржуазные революции не раз терпели поражение. Более того, имели место период ранних и период поздних буржуазных революций.

То, что в одной стране или в нескольких странах потерпело или потерпит поражение социалистическая революция или погибнет социализм, отнюдь не доказывает, что социализм как таковой, как стадия в развитии человечества потерпел окончательное поражение. Из поражений необходимо выходить обновленными. И это будет неизбежно.

Я перехожу, пожалуй, к последнему пункту выступления. Здесь прозвучало отрицание того, что в нашей стране был ранний социализм, и утверждение, что это был социализм утопический.

Что касается утопического социализма.

Утопический социализм, исходя из смысла слова утопия (фантазия, неосуществимая мечта), может существовать только в фантазии. Хотя это не исключает полностью влияния фантазий, иллюзий и т. п. на поведение людей. Но построить реальное утопическое общество просто невозможно.

А теперь о том, был ли в нашей стране ранний социализм. У нас в стране производительные силы – меньшевики в этом отношении были правы – не созрели для создания такого социализма, который вот-вот перейдет к коммунизму. Но неправы они были в том отношении, что не понимали (как и большевики): процесс созревания условий – это процесс, проходящий разные стадии.

Производительные силы развивались неравномерно. Ряд отраслей был на самых передовых в мире позициях, но в то же время у нас было 45 % ручного труда, а в строительстве – намного больше. Ручной же труд не адекватен даже развитым капиталистическим отношениям. Это одна черта раннего социализма. Другая черта раннего социализма заключалась в следующем.

В связи с тем, что социалистическая революция победила в одной стране, окруженной врагами намного ее превосходящими, и в условиях надвигающейся второй мировой войны, строительство социализма должно было происходить в предельно сжатые сроки, в спешном порядке, с отвоеванием для социализма максимума «жизненного пространства».

Поэтому, несмотря на то, что производительные силы не были готовы к всеохватывающему и полному обобществлению, такое обобществление попытались осуществить. На это толкала главным образом, но не только, жесточайшая внешняя необходимость. Упрекать в том никого нельзя! Но забегание вперед должно было сказаться и действительно сказалось.

Вообще при социализме – если брать его, как сказано, с точки зрения общего закономерного хода мировой истории, отвлекаясь от его конкретно-исторических проявлений и от исторических случайностей, – имеет место преимущественно формальное, а не реальное обобществление, подобно тому, как в развитии капитализма существуют две реальные эпохи – формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Формальное обобществление при социализме, в частности, ведет к тому, что люди воспринимают государственную собственность как формальную свою.

Если же в строительстве социализма происходит забегание вперед в процессе обобществления, то формализм обобществления усиливается. Соответственно усиливается и отношение к государственной собственности как формально своей.

У нас в первой половине 80-х годов XX века – как сообщалось в «Правде» – было примерно 500 тысяч «несунов» (мелких расхитителей социалистической собственности).

Если учесть, что раскрываемость такого рода деяний очень незначительна, то можно себе представить, какое огромное количество людей участвовало, пусть в мелком, но расхищении социалистической собственности. Это было противоречие между общественными и личными интересами. В той или иной степени оно сохраняется на протяжении всего социализма, но в раннем социализме это противоречие существует в усиленном варианте.

Итак. Ранний социализм * имеет две основные особен-

ности: во-первых, ранний социализм возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе, и, во-вторых, ранний социализм возникает в условиях превосходства сил мира капитализма. Соответственно, эпоха позднего социализма начинается тогда, когда, во-первых, социализм начинает развиваться на вполне адекватной себе материально-технической базе, и, во-вторых, когда силы мира социализма начинают превосходить силы мира капитализма.

* Характеристика раннего и позднего социализма дается здесь впервые.